

ТВЕРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по понедѣльникамъ.

21 Сентября 1915 года.

№ 38.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

Часть неофициальная.

Мобилизація духовенства.

Гулкимъ эхомъ разнесся по широкому лицу святорусской земли призывъ о мобилизаціи всѣхъ живыхъ и дѣятельныхъ силъ глубокаго тыла къ содѣйствію арміи въ борьбѣ съ упорнымъ и коварнымъ врагомъ. Почувствовалась всѣми, даже дремлющими, необходимость, живая потребность въ объединенной, организованной, дружной мобилизаціи всѣхъ „тыловыхъ“ силъ Россіи, поскольку каждая сфера и область могла бы быть использована и такъ или иначе воспособствовала бы пользѣ нашего доблестнаго воинства. Этотъ подъемъ невольно заставляетъ встрепенуться и наше мирное духовное сословіе, которому также, если ужъ не въ примѣръ прочимъ, то во имя долга и справедливости, давно слѣдовало бы предначать свою мобилизацію, организовать, такъ сказать, всѣ неиспользованныя еще доселѣ, имѣющіяся у него въ запасѣ обязанности и прерогативы его служенія въ дружное единомышленное и неуклонное выполненіе.

О, какъ нужна намъ теперѣ эта объединенность въ дружной работѣ, когда къ сему зоветъ насъ Господь не „гласомъ хлада тонка“, но „дыханіями бурными, трусами и огнемъ“ (Цар. 3, 11).

Если и во всякое время разобщенность среди духовенства, какъ это уже не разъ было признано, вредно отзывается на па-

стырскомъ служеніи, то теперь, въ часъ великихъ испытаній, эта обособленность и разъединенность въ его дѣятельности прямо-таки преступна.

Какъ продуктивнѣе духовенству организовать свои силы? Конечно, „орудія нашего воинствованія не плотскія, но духовныя“, и въ то же время „сильныя Богомъ на разрушеніе твердынь: ими ниспровергаемъ замыслы и всякое превозношеніе нашихъ враговъ, взимающееся на разумъ Божій“ (2 Кор. 10, 4). Облекшись въ нихъ, и надо побороть ими во дни наши лютые, а если этими орудіями не всё мы имѣемъ возможность непосредственнаго воинствованія на поляхъ ратныхъ среди нашихъ героевъ-крестоносцевъ: алчущихъ, жаждущихъ, огнемъ страданій крещающихся, страждущихъ, плѣненныхъ, и если, такимъ образомъ, не всё намъ выпадаетъ часть быть хранителями, утѣшителями ихъ на мѣстахъ ихъ подвиговъ, „да не како многою скорбію жертвы будутъ таковыя“ (2 Кор. 2, 7), то хотя здѣсь, въ глубокомъ тылу нашихъ армій, мы должны всячески способствовать славѣ русскаго оружія и, вся содѣявше, „стати“ уготованными для сего.

Орудія же нашего духовнаго воинствованія это—прежде всего наши пастырскія молитвы, „проходящія небеса“, по выраженію св. Іоанна Златоустаго. Мы, какъ священнослужители, по преимуществу должны пребывать въ усердныхъ молитвахъ именно теперь, въ часъ великихъ испытаній нашего оружія. „Никто такъ не приближается къ Богу въ молитвахъ своихъ, какъ священникъ“, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ словѣ о священствѣ. „Онъ такъ приступаетъ къ Нему, какъ будто ввѣренъ ему весь міръ и онъ есть отецъ всѣхъ: молить онъ объ утишеніи повсюду войнъ, укрощеніи мятежей, просить о мирѣ, плодородіи, скоромъ устраниеніи всѣхъ тяготѣющихъ бѣдствій,— частныхъ и общественныхъ. Для такой молитвы,—говоритъ далѣе тотъ же святитель:—я не считаю достаточнымъ даже дерзновеніе Моисея и Іліи“.

Въ такомъ разсужденіи о могучей силѣ пастырскихъ молитвъ, послѣднія, какъ видно, должны быть дороги и важны для нашего воинства, какъ подкрѣпительныя, а, можетъ быть, предъ очами духа, предваряющія, выражаясь словами митр. Филарета, къ побѣдѣ.

Изъ исторіи богоизбраннаго народа извѣстно намъ, что Моисей,—вождь евреевъ, „когда поднималъ свою руку, одолѣвалъ Израиль; когда же опускалъ,—побѣждалъ Амаликъ“ (Исх. 17, 11).

Не забудемъ, что каждый изъ насъ, пастырей, есть вождь, „дѣловодитель, пѣстунъ во Христа“ для своего, вѣреннаго ему Богомъ, стада, и мы, „молясь во всякое время въ терпѣннн и постоянствѣ“, тѣмъ самымъ вызываемъ вящее усердіе къ молитвѣ и у своихъ пасомыхъ, а слѣдовательно своими молитвами можетъ споспѣшествовать братіямъ нашимъ, подвижающимся на полѣ брани въ пріобрѣтеніи имъ вѣрнѣйшаго залога побѣдъ—Божія благословенія и помощи. Конечно, это наша мобилизація „будетъ мощна“, дѣйствена только при условіи, если молитвы наши будутъ единокорны, усердны, чисты, когда въ правѣ мы можемъ именоваться сподвижниками подвижниковъ брани.

И какой величественный гимнъ моленій, прошеній и словесій будетъ изливаться изъ устъ „стражей дому Новаго Израиля“, и этотъ молитвенный вопль будетъ восходить къ Престолу Царя славы—Господа и Бога воинствъ!

Но сила молитвы находится въ родственной связи съ искренностью покаянія. И мы должны искренно покаяться, сознаться, что при выполненіи обязанностей своего званія въ большинствѣ случаевъ мы страдаемъ какой-то мертвящей „теплохладностью“, напр., при отправленіи церковныхъ богослуженій.

Мало замѣчается того воодушевленія въ молитвѣ, именуемаго истовостью, той теплоты сердечной, согрѣвающей молитву, которая бы свидѣтельствовали о дерзновеніи и горячности вѣры въ совершителей богослуженія. Поспѣшность, разлѣненіе, халатность при отправленіи его бьютъ въ глаза и въ сердце нашихъ пасомыхъ, за что не разъ каждому изъ насъ, навѣрное, приходилось слышать упреки отъ непредубѣжденныхъ даже прихожанъ. Теплохладность—явный показатель того, что не милъ, не любезенъ служителю алтаря трудъ молитвы.

Нужно сознаться, что мы виновны въ томъ, что не такъ часто отправляемъ церковныя богослуженія, какъ этого требуетъ духовное настроеніе нашихъ цаствъ въ военное время.

Даже установленное Св. Синодомъ моленіе о побѣдѣ надъ врагомъ по праздничнымъ днямъ отправляется не во всѣхъ церквахъ въ положенное время, а про служеніе великихъ панихидъ по субботнимъ днямъ и вовсе приходится умолчать: оно вездѣ почти отсутствуетъ. Лучшимъ показателемъ нашей разрозненности является употребленіе чуть ли не во всякой веси своего устава относительно богослужебныхъ порядковъ,—„изволеніе“, или, точнѣе, произволь о.о. настоятелей: „Это я признаю, это я отвергаю“. Но руководиться лишь своимъ „изволеніемъ“ въ св. дѣлѣ теперь, какъ никогда, не время.

Послѣ богослужебныхъ моленій переживаемое время требуетъ отъ пастырей напряженія въ служеніи словомъ проповѣди; можетъ быть, другого такого момента въ исторіи не будетъ, когда это служеніе наше „словомъ“ такъ благопотребно, такъ важно для страждущаго отъ ударовъ военной грозы православнаго населенія: мы, пастыри, немолчно должны выяснять съ церковнаго амвона и при требохъ козни нашихъ супостатовъ; поднимать духъ изнемогающихъ отъ унынія при случающихся военныхъ неудачахъ, утѣшать сокрушенныхъ сердцемъ отъ невозградимыхъ потерь близкихъ на войнѣ, вразумлять близкихъ къ отчаянію, умолять и призывать къ милосердію и благотворительности, къ стоянію въ вѣрѣ и христіанскомъ образѣ жизни и т. п.—нашъ неотложный долгъ. Не время теперь отговариваться неумѣніемъ, недосугомъ для выполненія сего долга, малоплодностью проповѣди для слушателей. Терпѣніе и настойчивость все превозмогутъ, а любовь къ своему дѣлу преодолѣетъ и всѣ трудности, преувеличиваемыя такъ нами, къ слову сказать. Но „горе намъ, аще не благовѣствуемъ“.

Ко всему сказанному прибавимъ еще, что нынѣ время благоприятное для выполненія и третьей обязанности пастырскаго служенія—руководительства жизнию пасомыхъ.

Въ большинствѣ случаевъ мы не успѣвали въ сей обязанности по винѣ царившаго въ обществѣ безшабашнаго разгула отъ злоупотребленія алкоголемъ, вѣвшагося было въ плоть и кровь русскаго народа, въ чемъ отчасти повинно было и наше духовное сословіе.

Посему всякіе призывы къ добропорядочной жизни были „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“. Ужъ до того пьяныя оргіи опутали было время-препровожденіе нашего народа, что, кажется, и просвѣта не откуда было ждаты, оставалось лишь махнуть рукой. Но случилось то, чего нельзя было ожидать. Народъ сверху до низу сдѣлался трезвымъ и въ жизни своей сталъ неузнаваемъ. А этотъ-то благоприятный моментъ и надо бы теперь всемѣрно использовать руководителямъ народа,—его пастырямъ, благо и въ немъ нѣтъ соблазна отъ винопитія, отчего въ большинствѣ случаевъ происходило и въ средѣ его и въ отношеніяхъ между прихожанами много всевозможныхъ неудовольствій, кляузъ и упрековъ. Теперь не то. Жизнь, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, протекаетъ гладко, безмятежно, такъ что, оставалось бы, казалось, только воспользоваться этимъ моментомъ, какъ свѣтлымъ лучомъ на фонѣ мрачной дѣйствительности.

Къ тому же война внесла огромное содержаніе въ общественную, семейную и индивидуальную жизнь русскаго народа и на всѣ стороны этой жизни наложила своеобразную печать. И духовенство, какъ городское, такъ и сельское, неизбѣжно должно считаться съ этимъ новымъ содержаніемъ жизни. Каждый шагъ священника въ своемъ приходѣ теперь связывается съ войной и ея послѣдствіями. Самое церковное богослуженіе восприняло въ себя, въ свой составъ мысли и чувствованія, затрагиваемыя непосредственно войной. Моленія о побѣдѣ надъ врагами, о ниспосланіи божественной помощи Царю-Помазаннику, объ исцѣленіи раненныхъ на полѣ брани воиновъ, о вѣчномъ упокоеніи умершихъ и дарованіи имъ вѣнцовъ нетлѣнія, о сохраненіи святыхъ Божіихъ церквей съ предстоятелями и чадами ихъ, наконецъ, особое поминаеніе живыхъ и умершихъ воиновъ, взятыхъ изъ состава прихода,—все это относитъ религіозно настроенную мысль и чувство молящагося къ тѣмъ же военнымъ событіямъ, которыя занимаютъ его вниманіе и въ обыденной жизни, лишь освѣщая эти событія съ высшей религіозной точки зрѣнія—Промысла Божія. За предѣлами храма, въ обычномъ теченіи жизнь прихожанъ проникается заботами о той же войнѣ и ея участникахъ. И здѣсь священникъ на каждомъ шагу встрѣчается съ этими новыми деревенскими настроеніями и заботами и такъ или иначе долженъ реагировать на нихъ. Не минуетъ его участія и руководства и сборъ пожертвованій на дѣйствующую армію и на больныхъ и раненыхъ воиновъ, и заготовка бѣлья и подарковъ для воиновъ, и чтеніе газетныхъ сообщеній о ходѣ и развитіи военныхъ дѣйствій. Все это и многое другое ставитъ современное духовенство лицомъ къ лицу предъ новыми запросами, новыми задачами жизни и требуетъ отъ духовенства напряженія его силъ.

Подавая во всемъ добрый примѣръ, намъ, служителямъ Божіимъ, должно быть непорочными предъ правдою Божіею и на всякій часъ стараться о добромъ и святомъ предъ Богомъ и челоувѣками (Рим. 12, 17).

Да укрѣпятся же наши руки ослабленныя и колѣна разслабленныя (на молитву), да утѣшатся малодушные: се бо Богъ нашъ судъ воздастъ и воздастъ: Той приидеть и спасеть насъ.